

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2021.20.69.024

Реалии эллинистического мира в представлениях древнерусского книжника (на материале Казанского Евангелия XIV века)

Николаева Наталия Геннадьевна

Доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой латинского языка и медицинской терминологии,
Казанский государственный медицинский университет,
420012, Российская Федерация, Казань, ул. Бутлерова, 49;
e-mail: natalia.nikolaeva@kazangmu.ru

Ермошин Антон Владимирович

Кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры латинского языка,
Казанский государственный медицинский университет,
420012, Российская Федерация, Казань, ул. Бутлерова, 49;
доцент кафедры религиоведения,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: antoniy_v@mail.ru

Статья подготовлена в рамках исследования по проекту «Казанское Евангелие-апракос XIV века: лингво-историческое исследование», поддержанному фондом РФФИ (№ 17-34-00019-ОГН).

Аннотация

В статье обсуждается вопрос о том, в какой степени сведения об эллинистическом мире, его культуре и истории, отраженные в евангельском тексте, претерпели метаморфозы в славянской книжной среде. Методом изучения является наблюдение над действительными и мнимыми ошибками копиистов, переписывающих Евангелие (в нашем случае – полный апракос XIV века из фондов Научной библиотеки Казанского федерального университета). Выдвигается гипотеза, что в сознании древнерусского книжника существовала некая мифологема эллинистического мира, культурного фона событий Нового Завета, которая реализовывалась в приемах адаптации неизвестных понятий в духе «народной этимологии». При этом многие заимствования, характерные для ранних редакций славянского евангельского текста, заменялись исконной лексикой. Делается вывод о том, что наибольшую сложность для древнерусского книжника представляли гебраизмы, бывшие варваризмами уже в грекоязычном Евангелии. Однако некоторые особенности греческой грамматики сохранялись и в древнерусских списках: они могут как затруднять восприятие текста, затрагивая ключевые понятия христианского дискурса (*миръ-εἰρήνη* vs. *миръ-κόσμος*), так и делать этот текст более понятным, так что древний перевод порой оказывается более точным и более ясным в передаче основного смысла, чем современный церковнославянский текст.

Для цитирования в научных исследованиях

Николаева Н.Г., Ермошин А.В. Реалии эллинистического мира в представлениях древнерусского книжника (на материале Казанского Евангелия XIV века) // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 208-215. DOI: 10.34670/AR.2021.20.69.024

Ключевые слова

Эллинистическая культура, Казанское Евангелие, древнерусский апракос, текстология, лингвокультурология.

Введение

Общей трудностью для переводчиков Священного Писания всех времен и народов была и остается адекватная передача реалий эллинистического мира и культуры, являющихся фоном, на котором разворачиваются события Нового Завета в целом и евангельской истории в частности. В данной статье для краткости авторы называют их «грецизмами», подразумевая под этим словом не только собственно языковые факты, но и шире – явления лингвокультурологической и исторической сферы.

О грецизмах в текстологии славянского Евангелия в русле исследования как частных лингвистических вопросов, так и глобальных текстологических проблем было сказано и написано, безусловно, очень много (см. библиографию в [Алексеев, 1999; Garzaniti, 2001]). Сама традиция, ведущая свое происхождение от кирилло-мефодиевских переводов Священного Писания на старославянский язык, зародилась в голове славянских первосвятителей, мысливших и говоривших на греческом языке, так что литературный старославянский язык был, по верному замечанию русско-австрийского слависта А. Исаченко, «греческим, переодетым в славянские морфемы» [Issatchenko, 1975, 22]. В названии нашей работы ключевым словом является «древнерусский» – мы будем говорить уже о продолжающейся традиции восточнославянского извода на примере апракоса (богослужебного Евангелия лекционного типа) второй половины XIV века, хранящегося в фондах Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета, – так называемого Казанского Евангелия (КЕ)¹.

К XIV веку кирилло-мефодиевский прототекст претерпел уже немало редакций – как идеологических, связанных с определенной переводческой школой (к таким можно отнести преславскую редакцию), так и стихийных территориальных, связанных с разнообразием антиграфов, с одной стороны, с диалектом местности, в которой располагался скрипторий, и родным говором самого переписчика – с другой. К тому же не существовало некоего греческого *textus receptus*, представлявшего собой единый знаменатель для славянской традиции [Garzaniti, 2001, 665]: греческий текст существовал во множестве списков, и в разные времена, в разных землях ориентиры были разные. Ну а поздние переписчики уже не сверялись с греческим источником (часто потому, что и не знали греческого языка), но копировали текст антиграфа, не всегда правильно воспринимая его и отображая написанное в нем.

Несколько слов об исследуемом памятнике. По совокупности палеографических особенностей и языковых черт Казанский апракос можно отнести ко второй половине XIV века.

¹ Евангелие-апракос. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета, № 2072. 159 л.

Местом его создания (на тех же основаниях) считаются земли к северо-западу от Москвы, но южнее Новгорода, так как типичные новгородские черты в памятнике отсутствуют [Николаев, 2005]. Скорее всего, это Тверской или Вологодский край. В пользу последней версии говорит наличие очень похожего списка, хранящегося в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург), о котором известно, что он принадлежал скрипторию Кирилло-Белозерского монастыря [Николаева, 2020]. Пересечение и наложение традиций в рукописи делают невозможным обнаружение ее антиграфа, но круг генетически родственных памятников (включая упомянутый Белозерский текст) выявить удастся. О переписчике (судя по единству почерка апракос переписал один человек) ничего не известно, но исходя из тех ошибок, которые он делает в тексте, можно сказать, что степень его образованности не стоит идеализировать. Однако у него были некие сформировавшиеся представления, скорее мифологемы, о том эллинистическом мире, реалии которого описаны в Евангелии, и эти мифологемы он актуализирует в тех фрагментах, которые не до конца ему понятны.

Таким образом, основной гипотезой исследования стало то, что составляющие позднеантичной культуры в целом и ономастики и палестинской топонимики в частности были весьма далеки от среднестатистического древнерусского книжника, о чем говорят характерные ошибки в тексте Казанского апракоса, допущенные копиистом.

«Народная этимология» в тексте рукописи

Если переписчик по какой-то причине (собственная неосведомленность, ошибка диктанта, порча антиграфа и т.п.) не распознает слово, выражающее некое понятие средиземноморской культуры новозаветной эпохи, он стремится придать некую логику своему переводу, адаптировать непонятые ему лексемы к известным и частотным в духе так называемой «народной этимологии». Например, древнерусский книжник, видимо, не знает принятого в античном мире деления ночи на равные интервалы – *стражи*, так что регулярно заменяет это слово на слово *страна*: в четвертую **страну** нощи (Мф. 14:25 – КЕ л. 33г), *бдѣще и стрегуще. страну* нощную (Лк. 2:8 – КЕ л. 147б), а также в кую **страну** тать придетъ (Мф. 24:43 – КЕ л. 51в). Стих, содержащий последний пример, повторяется и в другом лексикональном отрывке: в кую **стражу** тать придетъ (КЕ л. 37б), однако здесь в рукописи поздним справщиком (XV – начала XVI века) буква *ж* написана поверх затертой *н* первоначальной версии.

Денежная единица (или единица веса) *мнась* (Лк. 19:13) передается в одном случае как **внась** (КЕ л. 80а; в данном контексте это форма родительного падежа множественного числа); слово *хламида*, наряду с правильным написанием, единожды пишется как **храмидою** (Мф. 27:28 – КЕ л. 139а), порождая ассоциации со словом *храм*; расшифровка названия *Голгофа* как *краниево место* – *κρανίου τόπος* (от греческого *κρανίον* ‘череп’) в Казанском апракосе звучит как **краинею мѣсто** (Мк. 15:22 – КЕ л. 134г). По всей видимости, незнакомое древнерусскому писцу слово *иродианы* (‘сторонники династии Ирода’) заменяется в следующем контексте известным ему словом *дьяконы*, которое, однако, оказывается здесь совершенно бессмысленным: *и посылають оучѣны своя съ дьяконы* (Мф. 22:16 – КЕ л. 42а) [Николаева, Языковая..., 2018, 116].

Типичным примером «народной этимологии» служит следующий отрывок из Казанского апракоса: *подобно юсть цр(с)тво нб(с)ноу кв(а)су. иже вземши жена в мучнахъ ситахъ трехъ погребѣ дондеже вѣскисѣ все* (КЕ л. 24г–25а) – ср.: *въ сатѣхъ тріехъ муки, εἰς ἀλεύρων σάτα τρία* (Мф. 13:33). Здесь неизвестная писцу древнееврейская мера объема «сата» ассоциируется с хорошо знакомым «ситом» (конечно же, не без связи с упоминаемой мукой).

Неосмысленные чтения в рукописи

Незнакомые переписчику заимствования, которые он не пытается адаптировать и переосмыслить, могут содержать ошибки разного рода. Так, наряду с правильным написанием *преторъ*, дважды он пишет это слово как *неторъ* (Ин. 18:28 – КЕ лл. 131a23, 131a27) [Николаева, Языковая..., 2018, 115]. Два близкозвучных заимствования *пира* ‘сума’ (от греч. πῆρα) и *спира* ‘отряд’ (от греч. σπεῖρα), по-видимому, не различаются переписчиком, так что он употребляет в обоих значениях только слово *спира*. Ср.: *сьпира же и тусащникъ и слугы иудѣиски яша и(с)са* (Ин. 18:11 – КЕ л. 130в); *и призавше всю спирю. облекоша и въ прапруду* (Мк. 15:16-17 – КЕ л. 134в) – *ничтоже не возьметъ на путь. ни жезла ни спиры. ни хлѣба ни сребра ни двою ризу имѣти* (Лк. 9:3 – КЕ л. 72б-в); *къгда послахъ вы безъ влаллица (sic!) и беспиры² и безъ сапогъ. ꙗко чегѡ лишени бысте. они же рекоша ничтоже. рече же имъ нынѣ. иже имать влагаллице. да возьметъ такоже съпиру* (Лк. 22:35-36 – КЕ л. 121в-г).

Еще сложнее обстоит дело с гебраизмами, которые фигурируют как варваризмы в греческом тексте. Например, *аще р(ч)еть члѣкъ ѡцѡ или мѣтри курва. но ꙗже ꙗсть даръ* (Мк. 7:11 – КЕ л. 49г). Это слово, по-видимому, было плохо знакомо уже носителям греческой культуры, поскольку в тексте оно получает разъяснение. Но несмотря на перевод этого сопутствующего пояснения, понятие *корван* вызывало трудности у древнерусских книжников. Г.А. Воскресенский приводит варианты передачи этого слова из текстов лексиконариев Мстиславовой редакции: *карванъ, ковранъ, корва, коваренъ, коваринъ* [Воскресенский, 1896, 248]. В Казанском апракосе слово не просто неверно воспринято – нарушена его целостность, что отмечено разделительной точкой внутри слова. Данный пример можно соотнести и с вышеприведенными примерами «народной этимологии»: разделительная точка позволяет считать, что незнакомый древнерусскому писцу гебраизм был воспринят им как ругательное слово (*курва*), и что именно за применение его в адрес отца или матери обличается в данном стихе неправедный человек.

Транскрипционные грецизмы в тексте апракоса

Некоторые заимствования ошибочно проникли, видимо, еще в протограф узкой редакции, к которой принадлежит Казанский апракос, и связаны с внутренним или явным диктантом в среде книжников, знавших греческий (возможно, в окружении Кирилла и Мефодия или их непосредственных последователей). Так, об изведении Иисуса Христа Духом в пустыню (Мк. 1:12) в тексте Казанского Евангелия говорится: *абыѣ дѣхъ изведе ис пустыни* (КЕ л. 38г); *ис* в данном случае можно считать транскрипцией греческого предлога εἰς ‘в’, что соответствует смыслу стиха (ср. греч.: Καὶ εὐθέως τὸ Πνεῦμα αὐτὸν ἐκβάλλει εἰς τὴν ἔρημον) [Николаева, Лексикотекстологические..., 2018, 19]. Впрочем, для данного случая возможно и иное объяснение: предлог *ис* повторяет глагольную приставку в духе предложно-приставочного параллелизма (ср.: *яко тѣ наслѣдуютъ на землю* (КЕ л. 12б-в) [Николаева, 2020, 9]).

Другой пример: еще в Мариинском Евангелии при перечислении первых апостолов в Мф. 10:2-4 второе имя Фаддея звучит как *келевеи* (Леввей). Видимо, *ке* – это транскрипция

² Дефис в цитатах из КЕ употребляется в случаях, когда словораздел представляется затруднительным. Буква перед дефисом в этих случаях относится к обоим словам. В приведенном примере в пользу прочтения *бес-пиры* (то есть *бе[с] спиры*, а не *бес пиры*) говорит упоминаемая далее *сьпира*.

греческого союза καὶ 'и', просочившаяся в старославянский текст и превратившаяся в некоторых рукописях в часть имени апостола. В таком виде его имя встречается и в Казанском апракосе (КЕ л. 166) [Николаева, Лексико-текстологические..., 2018, 19].

Ономастические грецизмы в Казанском апракосе

Особую трудность представляет для переписчика апракоса передача собственных имен, непривычных для древнерусского слуха. Так, Мелитинского мученика Иерона (память 7 ноября по юлианскому календарю) он превращает в *нерона* (КЕ л. 145г): очевидно, имя Римского императора и гонителя христиан благодаря житийной литературе было ему более знакомо. Также и незнакомое писцу имя Фарры, отца Авраама (см. Лк. 3:34: [сын] ...*Авраамовъ, Θаринъ*... / ...*τοῦ Ἀβραὰμ τοῦ Θάρα*...), порождает курьезный вариант в Казанском апракосе: *аврамовъ. фараоновъ* (КЕ л. 55б).

По-видимому, к ономастическим грецизмам можно отнести специфичное употребление писцом Казанского апракоса имени Андрей в номинативе: *андрѣа и филипъ ѿласта ис(с)ви* (КЕ л. 5г), ср.: *Ἀνδρέας καὶ Φίλιππος καὶ λέγουσιν τῷ Ἰησοῦ* (Ин. 12:22) [Ермошин, 2018, 67].

Грамматические грецизмы в Казанском Евангелии

В тексте исследуемой рукописи сохраняются также грецизмы менее заметные, чем графически фиксируемые ошибки, но при этом не менее выразительные. При этом собственно лексические грецизмы ранних редакций в древнерусский период часто заменяются: так, вместо *ассарий* употребляется слово *мѣра*, вместо *архиереи* – часто *старѣйшины жреческие*, вместо *катапетазма*, *кентурионъ*, *сатъ* – *запона*, *сотникъ*, *польспудьѣ* соответственно. Но обращает на себя внимание и сохранение в древнерусском евангельском тексте грамматических грецизмов, обусловленных разностями в древнегреческом и старославянском / древнерусском предложно-падежном управлении.

Так, конец фразы *вѣра твоя сп(с)тъ тѣа иди въ миръ* (КЕ л. 46в, а также аналогичные случаи на лл. 63б, 73а, 86в) на первый взгляд представляется графической ошибкой – написание ѣ вместо ѣ в конце слова, например, в рассказе об излечении кровоточивой женщины: *вѣра твоя спасе тя: иди въ миръ* (Мк. 5:34, Лк. 7:50, Лк. 8:48). Однако на проверку вариант Казанского апракоса оказывается калькой с оригинального *ἡ πίστις σου σέσωκέν σε ὑπάγε εἰς εἰρήνην*, где *εἰς εἰρήνην* – форма винительного падежа единственного числа. Греческое управление сохранилось даже несмотря на то, что в таком случае миръ-*εἰρήνη* возможно спутать с миръ-*κόσμος* и тем самым исказить смысл данного стиха.

Чуть более сложный случай можно наблюдать на следующем примере из истории об исцелении слуги римского сотника: *но рци словомъ. ицѣлѣтъ ѿтрокъ мой* (КЕ л. 67б). Употребление творительного падежа вместо винительного (ср.: *но рцы слово, и исцѣлѣтъ ѿтрокъ мой* (Лк. 7:7)) обусловлено не точной калькой с греческого оригинала, но его прямым влиянием: *ἀλλὰ εἰπὲ λόγῳ καὶ ἰαθήτω ὁ παῖς μου*, где *λόγῳ* – форма дательного падежа, передаваемого при переводе на старославянский как дательным, так и отсутствующим в древнегреческом языке творительным падежом. Грамматическая форма определяет и смысловой нюанс: изначально имелось в виду, что сотник отговаривает Иисуса прийти к нему самолично: «не ходи, но просто скажи – и слуга излечится»; в современном же варианте добавляется акцент на само изрекаемое слово.

Когда Иисус начинает открывать ученикам все, что должно с Ним произойти, Петр пытается отговорить Его от пути страдания и слышит в ответ: *иди за ма сотоно* (Мф 16:23, КЕ л. 29в). В переводе на русский язык: «Отойди от меня, сатана». Но греческий предлог *ὀπίσω* действительно имеет значение ‘за, после’, и этот грецизм сохраняется вплоть до современного церковнославянского перевода (в котором, правда, совсем непонятно: *иди за мною, сатано*), то есть имеется в виду: «встань позади, чтобы тебя не видеть».

Выводы

Собственно языковые грецизмы в тексте древнерусского Евангелия существуют в своего рода «поле напряжения» между культурным фоном оригинального текста и представлениями о нем в сознании славянского книжника. Изучение восприятия эллинистической культуры культурой, удаленной от средиземноморской во времени и в пространстве, происходит через фиксацию ошибок, неосмысленных чтений, попыток лингвокультурных адаптаций, пропусков, замен слов и т.п.

Изучение этих фактов приводит к выводу, что наибольшую сложность для древнерусского книжника представляли гебраизмы, бывшие варваризмами уже в грекоязычном Евангелии, далее (в порядке убывания сложности) следуют имена собственные. Многие заимствования, называющие реалии той культуры и характерные для ранних редакций славянского евангельского текста, заменялись в древнерусский период исконной лексикой. Другие адаптировались к знакомым реалиям в духе «народной этимологии». Устойчивее, чем лексика, оказываются синтаксические связи: некоторые особенности греческой грамматики сохранялись в древнерусских списках. Эти особенности также позволяют скорректировать некоторые смысловые нюансы, заложенные оригиналом и исправленные в поздних переводах Нового Завета, так что древний перевод порой оказывается более точным и более ясным в передаче основного смысла, чем современный церковнославянский текст.

В целом, наблюдение за грецизмами (в широком смысле этого слова) в тексте Казанского апракоса не только обогащает некоторыми фактами и частными выводами историю русского языка и текстологию древнерусского Евангелия, но и приоткрывает горизонты познания и творческий потенциал типичного древнерусского копииста во всей их сложности, спутанности и взаимозависимости.

Наряду с языковыми данными, прямо или косвенно указывающими на возможную связь протографа или непосредственного антиграфа Казанского апракоса с рукописями южнославянского происхождения [Ермошин, 2019], проанализированные в статье грецизмы дают материал и для исследования взаимовлияния различных традиций в рамках обширной географии мира средневековой славянской книжности.

Библиография

1. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.
2. Воскресенский Г.А. Характеристические черты 4-х редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям Евангелия XI–XVI вв. М.: Университетская типография, 1896. 305 с.
3. Ермошин А.В., Кузовенкова А.И. К вопросу о возможных генетических связях Казанского Евангелия XIV века с памятниками южнославянской церковной книжности // Хрестоматия теолингвистики. Ульяновск: ООО «Мастер Студия», 2019. Т. 2. С. 309–315.
4. Ермошин А.В., Кузьмин С.И. Имена собственные в Казанском Евангелии XIV века // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: Труды и материалы международной конференции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. Т. 2. С. 65–68.

5. Николаев Г.А. Рукописные книги XIV–XVII вв. в книгохранилищах Казани и их культурно-историческое значение // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. Т. 147. Кн. 2. С. 112–122.
6. Николаева Н.Г., Ермошин А.В. Лексико-текстологические особенности Казанского Евангелия XIV века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 4. С. 16–26. DOI: 10.15688/JVOLSU2.2018.4.2
7. Николаева Н.Г., Ермошин А.В. Языковая вариативность в Казанском Евангелии XIV века на примере чтений Страстной седмицы // Филология и культура. 2018. № 1 (51). С. 112–121.
8. Николаева Н.Г., Ермошин А.В., Кузовенкова А.И. Казанское Евангелие XIV века в кругу генетически близких апракосов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19, № 4. С. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.1>
9. Garzaniti M. Die altslavische Version der Evangelien: Forschungsgeschichte und zeitgenössische Forschung. Köln et al.: Böhlau, 2001. 795 S.
10. Issatschenko A. Mythen und Tatsachen über die Entstehung der Russischen Literatursprache // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse Sitzungsberichte, 298. Band, 5. Abhandlung; Veröffentlichungen der Kommission für Linguistik und Kommunikationsforschung, Heft 3. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. 52 S.

The realities of the hellenistic world in the old russian scribe's perception (based on the Kazan Gospel of the 14th century)

Nataliya G. Nikolaeva

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Latin Language and Medical Terminology,
Kazan State Medical University,
420012, 49, Butlerov str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: natalia.nikolaeva@kazangmu.ru

Anton V. Ermoshin

PhD in History, Senior Lecturer of Department of Latin Language, Kazan State Medical University,
420012, 49, Butlerova str., Kazan, Russian Federation;
Associate Professor of Department of Religion Studies,
Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 18, Kremlyovskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: antoni_v@mail.ru

Abstract

The paper discusses the question to which extent the information about the Hellenistic world, its culture and history, reflected in the Gospel text, underwent metamorphosis in the Slavic bookish environment. The method of research is the observation of real and imaginary errors of copyists of the Gospel (in our case, the full lectionary of the 14th century from the collection of the scientific library of the Kazan Federal University). The hypothesis is put forward that in the mind of the Old Russian scribe there was a certain mythologeme of the Hellenistic world, the cultural background of the events of the New Testament, which was realized in the methods of adapting unknown concepts in the way of folk etymology. At the same time, many of the borrowings characteristic of the early editions of the Slavic Gospel text were replaced by the original vocabulary. It is concluded that the greatest difficulty for the Old Russian scribe was represented by the hebraisms, which were

extraneous already in the Greek-language Gospel. However, some features of Greek grammar were preserved in the Old Russian copies: they can both complicate the perception of the text, concerning the key concepts of Christian discourse (mir-εἰρήνη vs. mir-κόσμος), and make this text more understandable, so that the ancient translation is sometimes more accurate and clearer in conveying the main meaning than the modern Church Slavonic.

For citation

Nikolaeva N.G., Ermoshin A.V. (2021) Realii ellinisticheskogo mira v predstavleniyakh drevnerusskogo knizhnika (na materiale Kazanskogo Evangeliya XIV veka) [The realities of the hellenistic world in the old russian scribe's perception (based on the Kazan Gospel of the 14th century)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 208-215. DOI: 10.34670/AR.2021.20.69.024

Keywords

Hellenistic culture, Kazan Gospel, Old Russian lectionary, textual studies, linguoculturology

References

1. Alekseev A.A. (1999) *Tekstologiya slavyanskoy Biblii*. [Textology of the Slavonic Bible]. Saint Petersburg.
2. Garzaniti M. (2001) *Die altslavische Version der Evangelien: Forschungsgeschichte und zeitgenössische Forschung*. Köln et al.: Böhlau.
3. Issatschenko A. (1975) Mythen und Tatsachen über die Entstehung der Russischen Literatursprache. In: *Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse Sitzungsberichte*, 298. Band, 5. Abhandlung; Veröffentlichungen der Kommission für Linguistik und Kommunikationsforschung, Heft 3. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
4. Nikolaev G.A. (2005) Rukopisnye knigi XIV-XVII vv. v knigokhranilishchakh Kazani i ikh kulturno-istoricheskoe znachenie [The Manuscripts of the 14th-17th Centuries in Kazan Libraries and their Cultural and Historical Significance]. In: *Uchyonye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Proceedings of the Kazan State University]. Kazan, vol. 147, part 2, pp. 112-122.
5. Nikolaeva N.G., Ermoshin A.V. (2018) Leksiko-tekstologicheskie osobennosti Kazanskogo Evangeliya XIV veka [Lexical and Textual Features of the Kazan Gospel of the 14th Century]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 4, pp. 16-26. DOI: 10.15688/JVOLSU2.2018.4.2
6. Nikolaeva N.G., Ermoshin A.V. (2018) Yazykovaya variativnost' v Kazanskom Evangelii XIV veka na primere chteniy Strastnoy sedmitsy [Linguistic Variation in the Kazan Lectionary of the 14th Century based on the Holy Week Readings]. In: *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], no. 1(51), pp. 112-121.
7. Nikolaeva N.G., Ermoshin A.V., Kuzovenkova A.I. (2020) Kazanskoe Evangelie XIV veka v krugu geneticheskikh blizkikh aprakosov [The Kazan Gospel of the 14th Century in the Circle of Genetically Close Lectionaries]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 4, pp. 5-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.1>
8. Voskresenskiy G.A. (1896) *Kharakteristicheskie cherty 4-kh redaktsiy slavyanskogo perevoda Evangeliya ot Marka po 112 rukopisyam Evangeliya XI-XVI vv.* [Characteristic Features of 4 Slavonic Translation Revisions of the Mark Gospel according to 112 Gospel Manuscripts of the 11th-16th Centuries]. Moscow.
9. Ermoshin A.V., Kuzmin S.I. (2018) Imena sobstvennyye v Kazanskom Evangelii XIV veka [Proper Names in the Kazan Gospel of the 14th Century]. In: *Lingvokulturologicheskiye issledovaniya razvitiya russkogo yazyka v usloviyakh polietnicheskoy sredy: opyt i perspektivy: Trudy i materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Linguistic and Cultural Studies of the Development of the Russian Language in a Multi-Ethnic Environment: Experience and Prospects: Proceedings and Materials of the International Conference]. Kazan, vol. 2, pp. 65-68.
10. Ermoshin A.V., Kuzovenkova A.I. (2019) K voprosu o vozmozhnykh geneticheskikh svyazyakh Kazanskogo Evangeliya XIV veka s pamyatnikami yuzhnoslavyanskoy tserkovnoy knizhnosti [To the Problem of Presumable Genealogical Connections of the Kazan Gospel of the 14th Century with South Slavic Liturgical Manuscripts]. In: *Khrestomatiya teolingvistiki* [Anthology of Theolinguistics]. Ulyanovsk, vol. 2, pp. 309-315.